

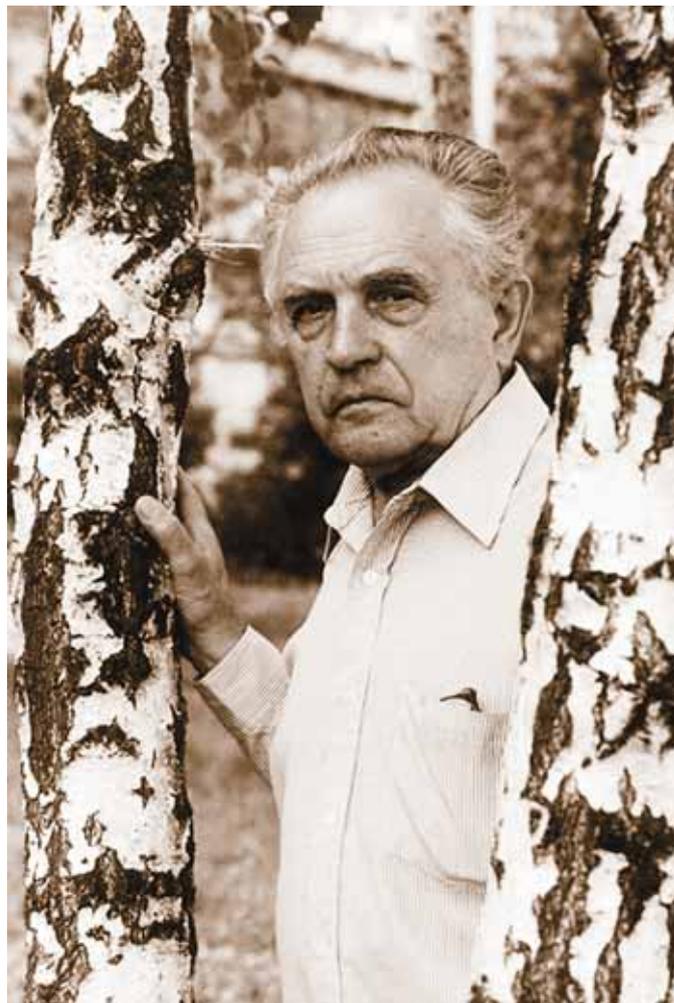
Александр Зиновьев,
русский мыслитель, гражданин

Почему мы рабы

Страна рабов – говорил о России Лермонтов. Рабы, сверху донизу все рабы – говорил о русском народе Чернышевский. Изменилось ли что-нибудь в России с тех пор? Да, изменилось: новая форма рабства пришла на смену старой. Мы по-прежнему остаемся рабами. В чем заключается наше рабское положение и рабская психология? И почему мы остаемся рабами, несмотря ни на что? Ответ на первый вопрос очевиден: мы ограничены во всех существенных проявлениях нашей жизни и потребностях, мы подвергаемся наказанию за малейшие попытки обрести свободу и независимость не только в поведении, но даже в мыслях. Ответить на второй вопрос честно и правдиво – дело гораздо более трудное: этому мешают те самые психологические причины, в силу которых мы остаемся рабами.

Известны два ответа на второй вопрос. Первый из них – апологетический, второй – критический. Первый заключается в следующем. Безусловно, люди и в коммунистическом обществе как-то ограничены в своих мыслях и в своем поведении. Но эти ограничения разумны, обусловлены интересами коллективов, в которые входят люди, и интересами общества в целом. Без этих ограничений в обществе наступил бы хаос, произвол, деградация и распад. Второй ответ (критический) заключается в следующем: некоторая часть граждан общества захватила власть над остальными и осуществляет свое насилие над ними. Оба ответа верны. Но каждый из них отражает лишь одну сторону дела. И оба они вместе не дают целую истину. В тени остается еще одна часть истины, может быть самая главная: мы принимаем систему рабства добровольно.

Потому проблема «Почему мы рабы?» есть в глубине своей проблема «Почему мы предпочитаем быть рабами?». В каждую эпоху эта проблема имеет свое решение. Решение ее для нашего современного, коммунистического рабства в общих чертах банально: потому что коммунизм есть не столько неизбежность, насилие и обман, сколько соблазн и искушение. Коммунизм не только в учениях теоретиков, в пропаганде и в лозунгах есть соблазн и искушение, но и в реальном его воплощении. Теперь – главным образом в реальном воплощении. Вот в чем корень зла! Когда апологеты коммунизма утверждают, что коммунизм есть движение и стремление миллионов людей и в интересах миллионов людей, они говорят правду. Но не всю правду: они умалчивают о том, что основой и стимулом движения и стремления является именно соблазн и искушение. Коммунизм

На фото: А.А. Зиновьев. Москва, 1999 г.

в основе своей и прежде всего несет облегчение и освобождение. И лишь на этой основе и затем он несет утяжеление жизни и закрепощение. Но он несет с собою одного рода освобождение и для одних людей и другого рода закрепощение для других. И несет их так, что люди сразу видят освобождение, и оно им кажется абсолютным, но лишь потом ощущают закрепощение, и оно уже кажется им естественным и само собой разумеющимся.

Общество, в котором мы живем, не есть нечто изначально данное. Оно есть продукт исторического процесса, в котором боролись и продолжают бороться две тенденции – цивилизаторская и коммунистическая (или коммунальная). Первая тенденция есть карабканье какой-то небольшой части человечества вверх, движение против потока человеческой стихии, преодоление сопротивления

природной и общественной среды. Вторая тенденция есть падение подавляющей массы человечества вниз, движение ее по течению человеческой стихии, движение по линии наименьшего сопротивления. Первая есть сопротивление второй, ограничение стихийных сил второй, стремление повысить уровень социальной организации людей. Основу ее образует труд, личный риск, личная инициатива и личная ответственность за действия, самоограничение, привносимое морально-правовым самосознанием, и прочие ценности цивилизации. Социальный строй, выросший из этой тенденции и вместе с тем сохранявший ее, породил современные блага цивилизации и одновременно неразрывно связанные с ним язвы ее. Люди, однако, связали в своем воображении с этим строем не только его собственные недо-

Результаты

борьбы

за реальную

свободу

осознаются

лишь через много

поколений,

да и то немногими

явления современной общественной жизни. Именно в этой разрушительной, а не в созидательной деятельности люди увидели путь в счастливое будущее.

И вот коммунистическая тенденция восторжествовала в значительной части планеты. Рухнули иллюзии насчет всеобщего рая на Земле. Обнаружились язвы коммунистического образа жизни, не уступающие язвам прошлого, а кое в чем и превосходящие их. И что же? Уменьшилась ли тяга в мире к коммунизму? Наоборот, она многократно возросла. Почему? Да потому, что реальный коммунизм хотя и не принес с собою всеобщего благополучия и не устранил всех язв бытия, он все же в некоторой мере удовлетворил великий исторический соблазн людей жить стадно, без тяжкого труда, без постоянных самоограничений, без риска и личной ответственности за сделанное, беззаботно, упрощенно, с гарантированным удовлетворением необходимых жизненных потребностей. Коммунизм удовлетворил этот соблазн лишь в очень малой степени. Но этой степени оказалось достаточно, чтобы инициативу и власть в обществе захватили люди, предпочитающие именно такой образ жизни, чтобы люди поразительно быстро приспособились к новому строю жизни, примирились с его недостатками и осознали его достоинства. Люди

капитулировали перед своими собственными стихийными силами, сбросили с себя напряжение, к которому их вынуждала прежняя система жизни, и вздохнули с облегчением. Отказ от борьбы, отказ от карабканья вверх и от движения против течения приносит людям прежде всего облегчение – падение какое-то время ощущается как полет. Люди при этом не думают о том, что будет потом, а именно – что вслед за облегчением приходят все необходимые атрибуты рабства-хозяева, надсмотрщики, палачи. Когда люди это замечают, бывает уже поздно. Они уже оказываются во власти самих себя, ибо они эти атрибуты рабства несут уже в себе самих. Наше рабство есть наша добровольная плата за ничтожное и лишь временное облегчение от тягот цивилизаторской тенденции.

Современное рабство интересно еще тем, что оно в огромной степени сравнительно с прошлым обществом расширяет численно круг членов общества, наделенных официальной властью над другими, и дает почти каждому рядовому члену общества крупную фактическую власть над ближними. Это общество до невиданных доселе размеров увеличивает массу власти, наделяя ею и миллионы своих рядовых членов. Наделяет по тем же законам, по каким вообще распределяются блага в этом обществе, – каждому соответственно по социальному положению. Но все же наделяет. Это такое рабство, в котором рабское положение компенсируется возможностью для каждого видеть в окружающих подвластные ему существа, – здесь вместо свободы предлагается возможность лишать свободы других, т.е. соучастие в закреплении. Не стремление быть свободным, но стремление лишить других людей такого стремления к свободе – вот какой эрзац свободы предлагается здесь гражданам. А это много легче, чем борьба за то, чтобы не быть рабами. Результаты борьбы за реальную свободу осознаются лишь через много поколений, да и то немногими.

Одним словом, нам удобно быть рабами. Быть рабами много легче и проще, чем не быть ими. Мы сами осуществляем насилие друг над другом. Мы сами общими усилиями делаем нас самих своими собственными рабами и благодаря этому становимся рабами других. Именно в этом главным образом коренятся причины нашего рабства, а не во внешнем насилии и не в законах организации общества. Мы капитулируем перед объективными законами и внешним насилием потому, что сами предпочитаем образ жизни, делающий нас рабами. Вот в чем ужас нашего положения. Можно бороться против внешних насильников. Можно ограничивать действие объективных сил природы и общества. Но бороться против самих себя и добиваться успеха – задача непостижимо трудная даже для богов. А мы – всего лишь люди.

И это было бы еще полбеды: мы привыкли быть рабами. Беда в том, что мы несем свое рабство другим. Несем под знаменем свободы. И добиваемся успеха. И отрезаем себе всякую надежду на освобождение. Когда все рабы, понятие рабства теряет смысл.

Май, 1980 года